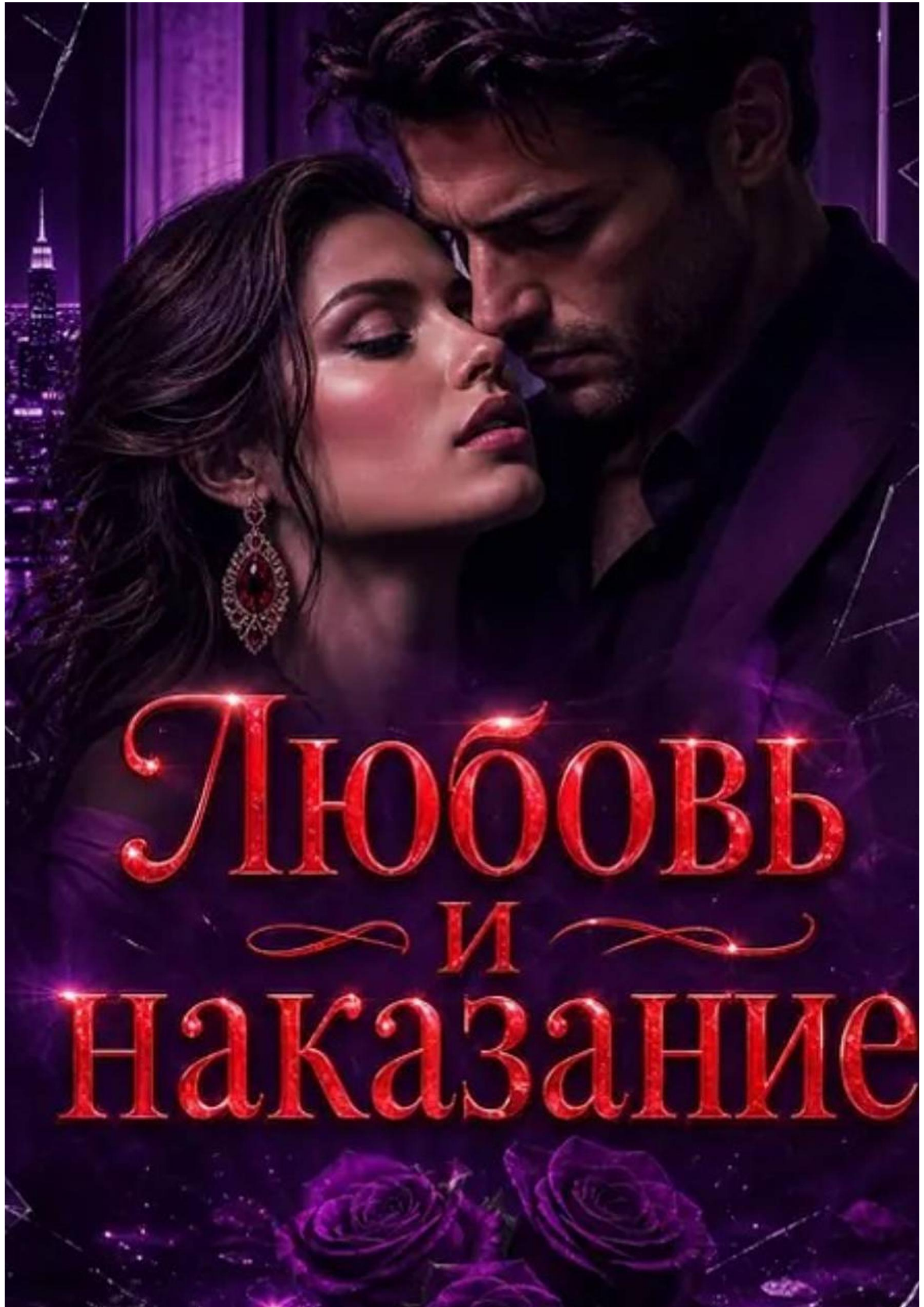

Любовь
и
Наказание

Нина Кислицына

Любовь и наказание

«Автор»

2026

Кислицына Н.

Любовь и наказание / Н. Кислицына — «Автор», 2026

Два брата, Крис и Максим, выросли под властью жестокого отца — влиятельного и страшного человека, который годами ломал жену и сыновей. Став взрослыми, они решают рассказать правду: с помощью журналиста Санина публикуют статью, вскрывающую семейное насилие. Публикация запускает открытое противостояние с отцом — слежку, угрозы, погони. Братья забирают мать из отцовского дома и укрываются у старого друга Максима в доме у реки, готовя вторую, разоблачительную статью с их подписанными показаниями. Материал выходит, отец исчезает из города, а семья наконец обретает то, чего у неё никогда не было, — свободу, дом и возможность просто жить.

© Кислицына Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Нина Кислицына

Любовь и наказание

Глава

ГЛАВА 1

Крис узнал о помолвке брата за завтраком, из газеты, которую отец швырнул через весь стол.

— Читай, — сказал отец. — Полюбуйся, чем твой брат занимается, пока ты за него работаешь.

Газета легла возле чашки, уголком в масло. Крис отодвинул её двумя пальцами и развернул. На четвёртой полосе, между колонкой о выборах и расписанием аукционов, стояла фотография: Максим в смокинге, возле него — девушка с прямыми тёмными волосами. Она смотрела не в объектив, а куда-то мимо, словно её окликнули. Подпись гласила: «Максим Горецкий и Лейла Асадуллаева объявили о помолвке».

— Это не моё дело, — сказал Крис и подвинул газету обратно.

— Твоё, — отец стукнул ладонью по столу, и ложка в пустой чашке звякнула. — Ты теперь старший. Значит, будешь разбираться с тем, что осталось после него.

Мать замерла у плиты, так и не донеся сковороду до стола. Она смотрела на Криса с той осторожной надеждой, с какой смотрят на человека, способного всё исправить.

— Он уехал, — сказал Крис. — Сам. Никто его не гнал.

— Его довели, — мать поставила сковороду и вытерла руки о фартук, хотя они были сухие. — Девка отказала ему. Унизила перед всеми. Ты бы видел его в тот вечер.

Крис не видел. Он был в командировке, в Новосибирске, подписывал договор, который Максим должен был подписать месяцем раньше, но так и не собрался. Он вообще мало что видел в последние два года — всё, что касалось брата, он узнавал от родителей, и каждый раз правда оказывалась меньше, чем ему рассказывали.

— И что ты хочешь? — спросил он. — Чтобы я поехал и извинился перед ним?

— Я хочу, чтобы ты вернул его, — отец поднялся. Стул отъехал с коротким визгом по паркету. — Он в какой-то дыре, телефона не берёт. Раньше отвечал, теперь и трубку не поднимает. Мать себе места не находит.

Крис перевёл взгляд на мать. Она стояла, прижав фартук к груди, и кивала, будто отец говорил слова, которые она сама боялась произнести.

— Он не вернётся, — сказал Крис. — Если сам уехал — не вернётся.

Отец подошёл к нему вплотную, навис. От него пахло кофе и вчерашним коньяком.

— Тогда пусть та, кто его сломала, узнает, что это значит — потерять всё. Ты меня понял?

Крис молчал. За окном шёл дождь, мелкий, въедливый, капли ползли по стеклу и оставляли грязные дорожки. Он смотрел на газету, на снимок, на девушку, которая даже на фотографии выглядела так, будто не принадлежит этому кадру. Он тогда ещё не знал, что эта девушка станет его наказанием. Лейлу он нашёл через неделю. Она работала в небольшом архитектурном бюро на Таганке, снимала квартиру в старом доме без лифта и по утрам покупала кофе в одной и той же точке на углу. Это было не сложно — Крис умел собирать информацию. Он нанял человека, тот принёс папку: расписание, привычки, круг общения, долги. Долгов не было. Любовника не было. Семьи, способной её защитить, тоже почти не было — мать-пенсионерка в Подмосковье, отец умер пять лет назад. Она была одна. Крис сложил папку в сейф и не открывал её три дня. Потом открыл. Он смотрел на фотографии — Лейла выходит из подъезда, Лейла под дождём с зонтом, Лейла смеётся над чем-то в телефоне — и ловил

себя на том, что ищет в её лице то, что заставило Максима сначала позвать её замуж, а потом сбежать. Он не находил. И это злило сильнее всего. — Кто ты такая? — спросил он в пустоту, разглядывая снимок, где она стояла у витрины и смотрела на своё отражение, как будто не узнавала саму себя. Ответа не было. Был только план. Он ещё не придумал, как отомстит. Он знал только, что это будет долго. Что она почувствует каждую секунду того, что пережил Максим. Что она запомнит его имя так, как не запомнила имени его брата. Через месяц он вошёл в её жизнь. Она не догадалась. Первая встреча вышла почти без его участия — так всегда бывает с настоящей ложью: она срастается с жизнью сама. Он выбрал кофейню на углу, ту самую, где Лейла по утрам брала стакан с собой. Пришёл раньше, сел у окна, развернул газету — старую, с фотографией брата. Читал, не разбирая слов. В кармане пальто лежал телефон с её номером, который он выучил наизусть, но звонить не собирался. Не сегодня. Она вошла в восемь четырнадцать. Мокрый зонт в одной руке, в другой — сумка, ремешок соскользнул с плеча. Дождь усилился, и она на секунду замерла у двери, стряхивая капли с рукава. Крис смотрел на неё поверх газетного края. Она была ниже, чем на снимках. И уставшая — это он тоже не учёл. Углы губ опущены, под глазами тени. Она не выглядела как женщина, сломавшая его брата. Она выглядела как человек, который просто хочет выпить кофе и доехать до работы, пока не промок совсем. Очередь двигалась медленно. Лейла достала телефон, проверила что-то, убрала. Он видел, как она переминается с ноги на ногу — левый каблук чуть стёрся с внешней стороны. Папка из-под стола. Человек, которого он нанял, не отметил, что она ходит с неправильной походкой. Крис зачем-то запомнил это.

Когда подошла её очередь, она не заметила его. Он и не ждал.

— Американо без сахара, — сказала она. — И булочку с корицей.

Булочки не было. Это Крис знал, потому что вчера выкупил последние шесть — просто чтобы что-то сделать, чтобы почувствовать, что он управляет хотя бы этим. Продавщица развела руками. Лейла кивнула, словно этого и ждала.

— Тогда просто кофе.

Крис поднялся.

— Возьмите мою, — сказал он.

Она обернулась. Взгляд у неё был тёмный, настороженный, как у человека, который привык, что незнакомцы ничего не предлагают просто так.

— Я не голодна, — ответила она. — Спасибо.

— А я всё равно её не съем. У меня диабет.

Враньё. Никакого диабета у него не было. Он соврал легко, даже не задумавшись, и эта лёгкость понравилась ему больше, чем следовало. Лейла посмотрела на него внимательнее. На секунду — дольше, чем смотрят на случайного человека в очереди.

— Это очень странная причина отдавать булочку, — сказала она.

— Лучше вы, чем мусорка.

Она чуть улыбнулась — краем рта, недоверчиво. Взяла стакан, отошла от кассы. Он остался стоять с бумажным пакетом в руке, и ему вдруг стало неловко, как мальчишке. Это чувство он не планировал.

— Спасибо, — бросила она уже от двери, не оборачиваясь.

Дверь звякнула. Он сел обратно. Газета лежала на столе, фотография брата смотрела на него с четвёртой полосы. «Вот и всё, — подумал Крис. — Теперь она меня запомнила». Он разжал пальцы. Пакет с булочкой всё ещё был у него в руке. Он не успел отдать. Вторая встреча была честнее первой — он просто шёл за ней. Не в прямом смысле. Он подстроил так, что их пути пересеклись на выходе из метро, в час пик, когда люди текут сплошным потоком и случайное касание плеча не считается вторжением. Она выходила с «Таганской», он ждал у турникетов, делая вид, что говорит по телефону.

— Да, я на месте. Да. Скажи, чтобы перезвонили в офис, — бубнил он в пустоту.

Она прошла мимо, не взглянув. Крис дал ей отойти на двадцать шагов, потом пошёл следом. Он не собирался с ней заговаривать. Просто смотрел, как она лавирует между людьми, как поправляет сумку, как сворачивает к переулку, где стояло её бюро. У двери она остановилась. Достала пропуск, приложила к считывателю. Дверь не открылась. Она приложила ещё раз — тот же тихий писк отказа. Крис стоял у киоска с прессой, в десяти метрах. Он видел, как она нервно выдохнула, глядя на дверь, за которой уже горел свет. Он мог пройти мимо. Мог не вмешиваться. Вмешался.

— Проблемы с пропуском? — спросил он, подходя.

Она вздрогнула, обернулась. Узнала — он видел по глазам. Не сразу, но узнала.

— Вы... из кофейни, — сказала она. — С диабетом.

— Без диабета, — поправил он. — С булочкой.

Она снова улыбнулась — на этот раз чуть шире, но всё ещё настороженно.

— Пропуск размагнитился, — сказала она. — Второй раз за месяц. Охрана откроет, просто надо подождать.

— У вас не работает домофон?

— Работает. Просто у меня руки заняты.

Крис посмотрел на её руки. В одной зонт, в другой сумка. И правда — заняты.

— Давайте я подержу, — сказал он.

Это было слишком. Он сам это почувствовал — слишком быстро, слишком навязчиво. Но она уже протянула ему зонт, и он взял его за мокрую ручку, и их пальцы на секунду соприкоснулись. Её кожа была холодной.

— Спасибо, — сказала она и нажала кнопку домофона.

Через минуту дверь открылась изнутри — вышла женщина с папкой, и Лейла скользнула внутрь.

— Ещё раз спасибо, — бросила она, оборачиваясь. — И за булочку тоже.

— Я её так и не отдал, — сказал Крис.

— Значит, должна вам булочку.

Дверь закрылась. Он остался стоять на тротуаре с её зонтом в руке.

Зонт она так и не забрала. Крис посмотрел на него. Дешёвый, складной, одна спица погнута. На ручке — трещина. Он сжал ручку так, что костяшки побелели. План шёл лучше, чем он рассчитывал. Слишком хорошо. Он должен был чувствовать торжество. Вместо этого он стоял посреди Таганки с чужим зонтом и думал о том, что у неё замёрзли пальцы, а он не успел предложить ей кофе.

— Идиот, — сказал он вслух. Не ей. Себе.

И пошёл к машине. Вечером он позвонил отцу.

— Ну что? — спросил отец без приветствия.

— Я начал.

— Как?

— Нормально. Она не догадывается.

Отец помолчал. Потом спросил, и в голосе его было что-то, чего Крис не ожидал, — не злорадство, а усталость:

— Ты уверен, что хочешь это делать?

Крис сжал телефон.

— Ты сам просил.

— Я просил вернуть брата. А не влезать в чью-то жизнь.

Крис закрыл глаза. За окном снова шёл дождь, капли били по карнизу.

— Ты сказал: пусть она узнает, что значит потерять всё. Я запомнил дословно.

— Крис...

— Я перезвоню.

Он сбросил вызов раньше, чем отец успел что-то добавить. Потом долго сидел в темноте, не включая свет. На столе лежал её зонт. Рядом — папка с фотографиями, на которых она смеялась в телефон. Он взял зонт, открыл его прямо в комнате. Погнутая спица торчала в сторону, ткань провисла.

— Что ты с ним сделал, Максим? — спросил он в темноту, обращаясь не то к брату, не то к самому себе.

Никто не ответил. Через два дня зонт снова оказался у него в руках. Он не собирался его возвращать — по плану это был повод. Вещь, за которой можно прийти, за которой можно встретиться снова. Но зонт валялся на столе, и Крис каждый вечер смотрел на него, как смотрят на незакрытую дверь: вроде бы и хочется войти, и не ясно, зачем. Он знал её расписание. Знал, что в среду она задерживается в бюро — совещание по проекту, потом ужин с подругой. Знал, где эта подруга живёт, в каком ресторане они обычно берут столик у окна. Папка с досье не врал: его человек отработал на совесть. Крис стоял у входа в ресторан, когда Лейла вышла. Она была одна. Подруга, видимо, ушла раньше — может, через чёрный ход, может, вообще не приходила. Лейла куталась в пальто, искала в сумке телефон и не видела его. Он подошёл, когда она уже подняла руку ловить такси.

— Лейла, — позвал он.

Она обернулась. В тёмных глазах — узнавание, потом вопрос, потом что-то ещё, что Крис не успел прочитать.

— Вы следите за мной? — спросила она.

Это прозвучало не испуганно, а устало. Как будто она привыкла к тому, что за ней следят.

— Нет. Я был неподалёку.

— В восемь вечера. Возле ресторана, в котором я ужинала.

— Совпадение.

Она склонила голову набок. В свете фонаря её лицо было бледным, и Крис впервые увидел её без утренней суеты — просто женщину на пустой улице, с усталостью в уголках губ.

— В прошлый раз вы появились у моего офиса, — сказала она. — В этот раз у ресторана. Знаете, как это выглядит?

— Как забота, — сказал он. — Если вам удобнее, я уйду.

Он развернулся. Медленно. Дал ей секунду, чтобы окликнуть. Она не окликнула. Он сделал три шага.

— Подождите, — сказала она.

Крис остановился. Сердце стукнуло сильнее, чем следовало. Это был не страх, не азарт. Он не хотел это называть. Она догнала его. Встала напротив, глядя снизу вверх.

— У вас мой зонт, — сказала она.

— Он у меня дома.

— Зачем вы его храните?

— Чтобы вернуть.

— Так верните.

Крис сунул руку в карман, вытащил зонт. Он носил его с собой весь день, сам не зная зачем. Лейла взяла его. Их пальцы снова встретились, и снова её кожа была холодной. Крис задержал руку на полсекунды дольше, чем нужно.

— Спасибо, — сказала она тихо. — За всё. За булочку, которую не отдали. За домофон. За то, что не ушли.

— Меня зовут Крис, — сказал он.

— Я знаю. Вы представились.

Он не помнил, чтобы представлялся. Значит, назвал себя машинально, когда думал о другом.

— А я Лейла, — сказала она. — Хотя вы, кажется, и так знаете.

— Почему вы так решили?

— Вы назвали меня по имени у ресторана. Я не говорила, как меня зовут.

Пауза. Тяжёлая, как вода.

Крис заставил себя не отвести взгляд.

— Вы правы, — сказал он. — Я узнал ваше имя.

— Откуда?

Она посмотрела на него так, что у Криса что-то оборвалось внутри — тонко, как нитка. Он мог соврать. Должен был. Врал же о диабете, врал о совпадениях — ещё одна ложь ничего бы не стоила. Но в этот вечер, под этим фонарём, ему вдруг расхотелось.

— Вы работаете в бюро на Таганке, — сказал он. — Я был рядом, видел, как вы входите. Спросил у охраны.

Это была правда. Часть правды. Охрана действительно видела, как она входит, и человек из досье действительно спрашивал. Только Крис был не «рядом» — он ждал.

— И вы узнали, как меня зовут, у охраны, — медленно проговорила она. — Зачем?

— Потому что хотел ещё раз вас увидеть.

Она молчала. Потом рассмеялась — негромко, но по-настоящему, и от этого смеха у Криса сжались лёгкие.

— Вы странный, — сказала она. — Сначала не отдаёте булочку, потом крадёте зонт, теперь выясняете моё имя у охраны.

— Я не крал зонт. Вы сами его мне дали.

— Это ещё хуже. Я добровольно отдала незнакомцу свою вещь. Значит, вы умеете предполагать к себе.

Крис улыбнулся — первый раз за долгое время, не думая, как это выглядит.

— Это плохо? — спросил он.

— Пока не знаю.

Она сделала шаг назад, к краю тротуара. Подняла руку. Такси притормозило почти сразу, словно ждало.

— Спасибо, Крис, — сказала она, уже открывая дверцу. — И перестаньте следить за мной. Если хотите увидеть — просто позвоните.

— У меня нет вашего номера.

— Зато у вас есть охрана моего офиса, — бросила она с усмешкой. — Справитесь.

ГЛАВА 2

Дверца захлопнулась. Машина уехала, растворилась в потоке, и Крис остался один на пустой улице, с зонтом, которого у него больше не было. Он достал телефон. Номер был в нём уже месяц. Он набрал его и стёр. Набрал снова. Сообщение получилось коротким: «Это Крис. Зонт вернул. Теперь должны булочку». Ответ пришёл через четыре минуты: «Завтра. Восемь утра. Та же кофейня. И без диабета». Крис смотрел на экран, пока тот не погас. План всё ещё был в силе. Он всё ещё должен был отомстить. Но впервые за месяц он не думал о мести. Он думал о том, как завтра она войдёт в кофейню, стряхивая капли с рукава, и как повернётся к нему, и как он снова соvrёт — на этот раз о том, что никогда не хотел ей зла. И он не был уверен, что это будет ложью. Утром он пришёл за полчаса до назначенного. Кофейня только открылась. Девушка за стойкой протирала поднос, пахло свежим кофе и сырым картоном от нераспакованных стаканчиков. Крис сел за тот же столик у окна и заказал американо. Без сахара, как она. Ему было неважно, какой кофе он пьёт. Он смотрел на дверь. В восемь ноль две она вошла. Сегодня без зонта — дождь кончился ночью, оставив после себя блестящий асфальт и запах мокрой листвы. Лейла была в светлом пальто, волосы собраны на затылке. Она увидела его сразу, кивнула и пошла к стойке.

— Американо и булочку с корицей, — сказала она продавщице. — Если ещё остались.

— Остались, — ответила та, и Крис усмехнулся про себя.

Лейла расплатилась, взяла стакан и бумажный пакет и подошла к его столику. Села напротив, не спрашивая разрешения. Поставила булочку между ними.

— Ваша половина, — сказала она.

— Я не завтракаю сладким.

— Врёте. В прошлый раз соврали про диабет, чтобы я взяла. Я видела, как вы на неё смотрели.

Крис поднял бровь.

— Вы наблюдательны.

— Это часть моей работы. Я архитектор. Замечаю, как люди врут.

Она отломилась половину булочки и протянула ему. Он взял. Сахарная крошка осыпалась на стол.

— И как я вру? — спросил он.

— Неубедительно. Вы делаете паузу перед ложью, как человек, который решает, стоит ли оно того.

— И каков вердикт?

— Пока не вынесен.

Она откусила свою половину и стала смотреть в окно. Крис смотрел на неё. Утренний свет падал на её лицо, и он впервые увидел, что у неё очень спокойные руки — она держала стакан так, будто в мире не было ничего, что могло бы заставить её расплескать кофе.

— Зачем вы вообще ко мне подошли? — спросила она, не поворачиваясь. — В первый раз. В кофейне.

Он ждал этого вопроса. И всё равно не был готов.

— Вы выглядели расстроенной, — сказал он.

— Из-за булочки?

— Из-за всего. Вы стояли в очереди и не замечали никого вокруг. Как человек, у которого случилось что-то плохое.

Лейла повернулась к нему. Взгляд стал серьёзным.

— У всех случается что-то плохое. На этом основании вы подходите ко всем женщинам в кофейнях?

— Нет. Только к вам.

— Почему?

Крис отвёл глаза. Врать становилось всё труднее — не потому, что он разучился, а потому, что она смотрела на него так, будто видела подвох ещё до того, как он открывал рот.

— Вы показались мне знакомой, — сказал он.

И это была первая правда за всё утро. Она действительно казалась ему знакомой. Он смотрел на неё с фотографий месяц, выучил поворот головы, манеру поправлять волосы, родинку над левой бровью. Он знал о ней больше, чем знают люди, прожившие вместе годы. И всё равно она была для него незнакомкой.

— Знакомой, — повторила Лейла. — Откуда?

— Не знаю. Может, мы где-то пересекались.

— Мы не пересекались. Я бы запомнила.

— Вы так уверены?

— У меня хорошая память на лица. А ваше... — она замолчала, подбирая слово, — ваше я бы не забыла.

Крис почувствовал, как внутри что-то сдвинулось. Это было не торжество. Это было похоже на падение — мягкое, но неотвратимое.

— Это комплимент? — спросил он.

— Это факт.

Они замолчали. В кофейню входили люди, дверь позвякивала, кофемашина шипела. А они сидели друг напротив друга, и между ними на столе остывала недоеденная булочка.

— Расскажите о себе, — сказала она вдруг.

— Что именно?

— Всё, что захотите. Только правду.

Крис усмехнулся.

— Правда — опасная валюта.

— Поэтому я и спрашиваю. Мне интересно, что вы решите ею заплатить.

Он откинулся на спинку стула. Правда. Какая часть правды не разрушит всё сразу? Какая ложь ещё не станет ядом?

— Меня зовут Крис Горецкий, — сказал он. — У меня есть семья. Брат. Отец. Мать. Я работаю в семейной компании. Мне тридцать два. Я не женат. Я пришёл сюда, потому что хотел вас увидеть.

Он говорил и смотрел ей в глаза, и каждое слово было правдой. Кроме одного — самого главного. Он не сказал, что его брат — тот самый человек, которого она унизила отказом. Что его фамилия должна была заставить её вскочить и уйти. Что он пришёл не увидеть, а разрушить. Но она не узнала фамилию. Или сделала вид, что не узнала.

— Горецкий, — повторила она медленно, словно пробуя слово на вкус. — Что-то знакомое.

Сердце Криса пропустило удар.

— Распространённая фамилия, — сказал он.

— Наверное.

Она допила кофе, смяла стакан и бросила в урну у стойки. Вернулась к столику, но садиться не стала. Стояла, глядя на него сверху вниз.

— Спасибо за завтрак, Крис Горецкий, — сказала она. — И за правду. Ту часть, которую вы решились заплатить.

— Остальное — в другой раз.

— Если будет другой раз.

Она улыбнулась, поправила сумку и пошла к выходу. У двери обернулась.

— Я работаю до семи. После семи я свободна.

— И что это значит?

— Это значит, что если вы захотите меня увидеть ещё раз — вы знаете, где я работаю.

Дверь звякнула. Она ушла. Крис остался за столиком. Перед ним лежали крошки от булочки, стоял нетронутый американо, остывший до комнатной температуры. Он взял стакан и сделал глоток. Кофе был горьким. Он должен был радоваться. Всё шло по плану — даже лучше. Она сама оставляла ему дверь приоткрытой. Ещё неделя, максимум две, и он войдёт в её жизнь достаточно глубоко, чтобы сделать больно. Вместо этого он сидел и думал о том, что она запомнила его лицо. Что она сказала «ваше я бы не забыла». Что она ела булочку и улыбалась, и что в этом не было ни капли той холодной расчётливой женщины, которая, по словам матери, унизила его брата перед всеми.

— Что ты с ней сделал, Максим? — снова спросил он в пустоту.

И снова никто не ответил.

Но теперь этот вопрос звучал иначе. Не как обвинение. Как страх перед ответом, который он боялся узнать. В семь он стоял у входа в её бюро. Не у самых дверей — поодаль, у фонаря, чтобы не выглядело, будто он караулит. Хотя именно это он и делал. Смотрел, как гаснут окна на третьем этаже, как из дверей выходят люди, как офисный свет вытягивается жёлтыми прямоугольниками на мокром тротуаре. Она вышла в семь двенадцать. Увидела его сразу — он не прятался. Остановилась на ступеньке, поправила шарф и спустилась.

— Вы пунктуальны, — сказала она.

- Я не был пунктуален. Я ждал с половины седьмого.
- Это ещё хуже.
- Знаю.

Она усмехнулась и пошла вдоль переулка. Крис пристроился рядом, чуть позади, как будто спрашивая разрешения. Она не возражала.

- Никуда. Я иду домой. Если хотите — идите рядом.
- И это всё? Ни ужина, ни кофе, ни допроса?
- Допрос был утром. Теперь ваша очередь задавать вопросы.

Они свернули на Таганскую. Город гудел, пахло бензином, прелыми листьями и чьим-то ужином из открытой двери кафе. Лейла шла быстро, но не торопилась — той походкой, которой Крис уже успел залюбоваться на снимках из досье: левый каблук чуть стёрт, шаг ровный, уверенный.

- Почему вы согласились меня увидеть? — спросил он.
- Потому что вы не наглый.
- Что?
- Куда вы меня ведёте? — спросил он.
- Большинство мужчин, которые подходят на улице, считают, что моё время принадлежит им уже за то, что они подошли. Вы так не считаете. Вы ждали у фонаря, как мальчишка, и не знали, можно ли идти рядом.
- Я просто не хотел вас спугнуть.
- Спугнуть? — она рассмеялась. — Крис, вы украли мой зонт. Поздно бояться.
- Я его вернул.
- Именно. Это и странно.

Она остановилась у перехода. Загорелся красный, и они встали плечом к плечу. Крис смотрел на её профиль — на острый подбородок, на то, как она щурится от фар ближнего света.

- О чём вы думаете? — спросила она, не поворачиваясь.
- О том, что вы не похожи на человека, у которого случилось что-то плохое.
- А я и не говорила, что у меня случилось.
- Я сам решил. В кофейне вы выглядели так, будто несёте что-то тяжёлое.

Лейла помолчала. Переключился свет, они пошли через дорогу, и только на той стороне она ответила:

- Мы все несём что-то тяжёлое. Просто кто-то умеет это не показывать.
- А вы умеете?
- Плохо. Поэтому вы и заметили.

Она посмотрела на него — быстро, искоса, как будто проверяя, не станет ли он сейчас жалеть её. Крис не стал.

- Что вы несёте? — спросил он тихо.
- Это не тот вопрос, который задают на первом свидании.
- Значит, это свидание?

Она закатила глаза, но уголки губ дрогнули.

- Вы невыносимы.
- Вы повторяетесь.
- Значит, это правда.

Они дошли до её дома. Старый, облупленный, с высокими окнами и подъездом, в котором пахло сыростью и подгоревшим маслом. Лейла остановилась у двери, достала ключи.

- Вот и всё, — сказала она. — Дальше я одна.
- Крис кивнул. Не двинулся.
- Можно вопрос напоследок? — спросил он.
 - Один.

— Почему вы не спросили, зачем я всё это делаю? Зачем подошёл, зачем следил, зачем ждал у офиса?

Лейла посмотрела на него долгим взглядом. В сумерках её глаза казались почти чёрными.

— Потому что ответы на такие вопросы я обычно узнаю сама, — сказала она. — Раньше, чем мужчина успеваешь соврать.

Она вставила ключ в замок.

— Спокойной ночи, Крис.

— Спокойной ночи, Лейла.

Дверь за ней закрылась. Он постоял ещё минуту, глядя на окна. На втором этаже зажёгся свет — тёплый, неяркий. Она была дома. Крис развернулся и пошёл к машине. По дороге он думал о том, что весь этот вечер ни разу не вспомнил о брате. О мести. О папке в сейфе. Впервые за месяц он был просто мужчиной, который шёл рядом с женщиной и не хотел, чтобы вечер заканчивался. И это было самое страшное из всего, что он сделал. Дома он не включил свет. Сел в кресло, налил виски, не донеся стакан до рта, уставился в темноту. Телефон зажёгся. Сообщение. Лейла: «Вы ещё не дошли?» Крис смотрел на экран. В груди что-то медленно, мучительно сжималось. «Дошёл. Стою под дверью и думаю, что не спросил у вас номер», — написал он. Ответ пришёл почти сразу: «Вы его не спрашивали. И не просите. Но я записала ваш, когда вы звонили у ресторана». Крис закрыл глаза. «Так нечестно», — ответил он. «Всё честно, Крис Горещкий. Просто вы ещё не поняли, кто из нас кого водит за собой». Он долго смотрел на эти слова. Потом отложил телефон, так и не ответив. Впервые за всю игру ему стало по-настоящему страшно. Не за неё. За себя. Следующие дни он провёл как человек, который поджёт фитиль и не знает, сколько у него времени. Он звонил ей вечером. Иногда она отвечала, иногда нет. Когда отвечала, они говорили о пустяках — о работе, о том, что на Таганке опять перекрыли улицу, о кофе, который в их кофейне начали варить хуже. Крис ловил себя на том, что ждёт этих звонков больше, чем следует. Что переставляет телефон с места на место, будто от этого он зазвонит быстрее. Он всё ещё говорил себе, что это план. Что каждая минута рядом с ней — это шаг к мести. Что он изучает её слабости. Но изучал он совсем другое. Он узнал, что она боится грозы. Что по утрам первым делом смотрит в окно, проверяя, небо. Что у неё есть привычка трогать мочку уха, когда она врёт или недоговаривает. Что она никогда не доедает последний кусок — всегда оставляет что-то на тарелке, как будто боится остаться голодной, если позволит себе съесть всё. Он узнал, что её мать болеет. Что отец умер пять лет назад, и с тех пор Лейла тащит на себе всё — квартиру, лекарства, работу, архитектурные конкурсы, в которых её обходят, потому что у неё нет связей. И чем больше он узнавал, тем труднее становилось ненавидеть её. Однажды вечером, на четвёртый день, он позвонил и услышал в трубке её голос — тихий, без обычной усмешки. — Крис, — сказала она. — У меня мама в больнице. — Что случилось? — Сердце. Опять. Врачи говорят, ничего страшного, но я не знаю. Я никогда не знаю, когда это «ничего страшного», а когда последний раз. Он услышал, как она слотнула. Как на заднем плане гудит телевизор в больничном коридоре и кто-то катит каталку.

— В какой вы больнице? — спросил он.

— Зачем вам?

— Скажите.

Она назвала адрес. Крис уже надевал пальто, прижимая телефон плечом к уху.

— Я не просила приезжать, — сказала она.

— А я и не спрашивал разрешения.

Он приехал через сорок минут. Больница была старая, с облупленными стенами и запахом хлорки, который впивывался в одежду. Лейла сидела в коридоре на жёстком стуле, сжимая в руках пакет с апельсинами. Она не плакала. Просто смотрела в одну точку на стене. Крис сел

рядом. Не стал ничего говорить. Просто сел. Они просидели так час. Молча. В коридоре пахло лекарствами и чужим страхом, лампы гудели, и где-то за дверью пищали приборы.

— Зачем вы приехали? — спросила она наконец, не поворачивая головы.

— Потому что не мог сидеть дома и знать, что вы здесь одна.

— Вы меня почти не знаете.

— Знаю достаточно, чтобы не оставить вас одну в больничном коридоре.

Лейла повернулась к нему. В глазах стояли слёзы — не пролитые, а так, на краю. Она смотрела на него так, будто впервые видела по-настоящему.

— Вы странный, Крис Горецкий, — сказала она. — Очень странный.

— Вы это уже говорили.

— Значит, до сих пор не передумала.

Она положила голову ему на плечо. Просто положила, как будто это было самое естественное движение в мире. Крис замер. Он почувствовал тепло её волос на шее, услышал её дыхание — ровное, усталое. Он должен был ликовать. Она сама сокращала дистанцию. Она доверяла ему. Через неделю он сможет ударить так, что она не встанет. Вместо этого он осторожно, как будто боялся спугнуть, накрыл её руку своей.

— Всё будет хорошо, — сказал он.

И сам почти поверил.

ГЛАВА 3

Мать Лейлы перевели из реанимации утром. Обычная аритмия, возрастное давление, ничего смертельного. Лейла вышла из больницы в семь утра, бледная, с синяками под глазами, и Крис ждал её у входа с двумя стаканами кофе.

— Вы всю ночь здесь были? — спросила она.

— Я уезжал. Потом вернулся.

— Врёте. У вас глаза красные.

— Это от бессонницы. Я вообще плохо сплю.

Она взяла стакан, отпила, поморщилась.

— Остыл.

— Нормальный. Просто вы привыкли пить слишком горячий.

— И это вы тоже заметили?

— Я наблюдательный.

Она слабо улыбнулась. Крис увидел, как дрожит её подбородок — не от холода, от накопившегося напряжения. Он снял пальто и накинул ей на плечи, не спрашивая.

— Не надо, — сказала она.

— Надо.

Она не стала спорить. Они пошли к машине, и Лейла держала стакан обеими руками, и пальцы у неё были ледяные, хотя утро выдалось тёплое. В машине она уснула почти сразу, как только он выехал с парковки. Крис ехал медленно, ловил каждый светофор на красный, чтобы не разбудить. Он смотрел на неё в зеркало заднего вида — на откинутую голову, на приоткрытые губы, на прядь волос, упавшую на щёку. И в этот момент он понял, что всё кончено. Не мечь. Не план. Всё то, чем он себя успокаивал последние недели. Он больше не хотел, чтобы она страдала. Он хотел, чтобы она спала вот так, спокойно, у него в машине, и чтобы ничто в мире не заставляло её плакать. Эта мысль ударила его, как пощёчина. Он сжал руль, глядя на дорогу, и почувствовал, как внутри разливается то, чему он не хотел давать имя. Любовь. Он любил её. Женщину, которую пришёл уничтожить. Сестру своего врага — нет, не сестру. Женщину, отказавшую его брату. Женщину, из-за которой рухнула его семья. И он всё равно любил. До дома Лейлы он доехал в полной тишине, боясь дышать. Остановил машину у подъ-

езда, заглушил мотор. Она не просыпалась. Крис сидел и смотрел на неё. Потом достал телефон и набрал номер, который не набирал месяцами. Гудки. Два. Три.

— Да, — ответил брат.

Крис закрыл глаза.

— Максим, — сказал он. — Нам надо поговорить. В трубке было тихо. Только дыхание — ровное, тяжёлое, как у человека, которого разбудили не вовремя.

— Крис? — переспросил Максим. — Ты чего звонишь в такое время?

— А какое у тебя время?

— Раннее. Или позднее. Я не смотрю на часы.

Крис слышал в голосе брата знакомую ленивую растянутость. Так Максим говорил всегда, когда не хотел, чтобы его трогали. Когда отмахивался от отца, от матери, от дел, которые должен был вести, но не вёл.

— Где ты? — спросил Крис.

— Неважно.

— Мне важно.

Максим вздохнул. Где-то рядом с ним что-то стукнуло — кружка о деревянный стол, показалось Крису.

— Я в порядке, — сказал Максим. — Передай матери, что я жив. Она ведь просила?

— Она места себе не находит. Отец пьёт больше обычного. Компания без тебя — дыра. Ты хотя бы знаешь, что происходит?

— Знаю. Поэтому и уехал.

Крис сжал телефон. В салоне пахло остывшим кофе и её шампунем. Лейла спала на заднем сиденье, и он старался говорить тихо, чтобы не разбудить.

— Что значит «поэтому»? — переспросил он. — Ты сбежал, Максим. Бросил всё. Из-за женщины, которая отказала тебе.

В трубке повисла пауза. Долгая. Крис уже подумал, что брат сбросил.

— Кто тебе сказал, что я сбежал из-за женщины? — спросил Максим. Голос его изменился: ушла ленивая растянутость, осталась настороженность.

— Мать. Отец. Все.

— И ты поверил.

— А во что мне верить? Ты не звонишь. Не отвечаешь. Сидишь в какой-то дыре и не показываешься.

— Может, это не дыра. Может, здесь лучше, чем там, откуда я уехал.

— Максим, — Крис перешёл почти на шёпот, но в шёпоте было больше злости, чем в крике. — Ты хоть понимаешь, что натворил? Родители разваливаются. Я пашу за двоих. А ты сидишь и философствуешь.

Максим молчал. Крис слышал, как он отпил — глоток, потом ещё один. Не спешил. Никогда не спешил, даже когда мир вокруг горел.

— Скажи мне правду, — сказал Крис. — Она отказала тебе, и ты уехал. Так?

— Нет.

— А как?

— Не по телефону, брат.

— Я имею право знать.

— Имеешь, — неожиданно согласился Максим. — Но не сейчас. И не по телефону. Приезжай, если хочешь. Скажу в лицо.

Крис закрыл глаза. В зеркале заднего вида он видел Лейлу — она пошевелилась во сне, повернула голову, но не проснулась. Он смотрел на неё и думал о том, что сидит в одной машине с женщиной, из-за которой, как ему всю жизнь рассказывали, сломалась его семья. И эта женщина спала, доверяя ему, как не доверяла, наверное, никому.

— Приеду, — сказал Крис. — Назови место.

Максим продиктовал адрес. Крис записал не глядя, пальцами, привыкшими к телефону.

— И вот ещё что, — сказал Максим, прежде чем Крис успел сбросить. — Ты там не один, да?

Крис похолодел.

— С чего ты взял?

— Слышу, как у тебя кто-то дышит. Не спрашивай, у меня тут тихо, слышно всё.

Крис бросил взгляд на заднее сиденье. Лейла дышала ровно, глубоко, и он не заметил, как это выдало его.

— Это не твоё дело, — сказал он.

— Согласен. Но раз уж заговорили о правде... ты сам- то её от кого скрываешь?

— Я ничего не скрываю.

— Врёшь, брат. Ты всегда делаешь паузу, когда врёшь.

У Криса пересохло во рту. Он узнал эти слова. Их говорила Лейла — недавно, в кофейне, глядя на него поверх стакана. И вот теперь их повторил Максим. Словно они, двое людей, которых он обманывал и за которыми охотился, сговорились против него на каком-то неслышном языке.

— Приезжай один, — сказал Максим. — И приезжай трезвым. Мне надоели твои вопросы, на которые ты сам боишься услышать ответы.

Гудки.

Крис отнял телефон от уха и долго смотрел на погасший экран. В салоне было тихо. Лейла спала, и её дыхание было единственным живым звуком в этой тишине. Он не должен был звонить брату. Не сейчас. Не с ней в машине. Не тогда, когда внутри него всё окончательно перепуталось — месть, вина, страх, любовь. Но было поздно. Теперь он стоял перед выбором, которого боялся больше всего: либо ехать к брату и узнать правду, которая, возможно, разрушит всё, во что он верил, либо остаться рядом с Лейлой и продолжать врать. Он посмотрел на спящую женщину.

— Кто ты такая? — прошептал он в тишину, в сотый раз задавая вопрос, на который у него не было ответа.

Лейла не услышала. Или сделала вид, что не услышала. Крис завёл мотор и медленно выехал со двора. Он вёз её домой и не знал, что будет дальше. Он знал только одно: с этого момента дорога вела его не к мести, а к правде. И правда эта была ему не по силам. До дома Лейлы он довёз её, не сказав больше ни слова. Остановил машину у подъезда, заглушил мотор и сидел, слушая, как остывает двигатель. В зеркале заднего вида Лейла по-прежнему спала, откинув голову на спинку. Свет уличного фонаря падал ей на щёку, на приоткрытые губы, на родинку над левой бровью, которую Крис выучил по фотографиям задолго до того, как увидел живую. Он не будил её. Боялся. Не того, что она проснётся. Того, что, проснувшись, посмотрит на него так, как смотрела в больничном коридоре, — с доверием, которого он не заслужил. Наконец она пошевелилась. Открыла глаза, не сразу поняла, где находится. Посмотрела в окно, на знакомый облупленный фасад, потом на Криса.

— Мы уже приехали? — спросила она хрипло.

— Давно.

— Почему не разбудили?

— Не хотел.

Она выпрямилась, провела ладонью по лицу. Крис смотрел, как она трёт глаза, как поправляет сбившиеся волосы, и ловил себя на том, что не может отвести взгляд.

— Спасибо, — сказала она. — За всё. За ночь. За то, что приехал.

Она впервые перешла на «ты». Крис заметил это сразу, и что-то внутри него дрогнуло — не от радости, а от страха: он слишком быстро становился ей нужным.

— Это ты не должна благодарить, — сказал он.

— Почему?

— Потому что мне это ничего не стоило.

— Неправда. Ты не спал всю ночь. У тебя лицо серое.

— Я всегда так выгляжу.

— Врёшь. У тебя пауза перед ложью.

Крис усмехнулся, но усмешка вышла кривой.

— Ты вторая, кто говорит мне это за последние сутки.

— А кто первая? — она посмотрела на него с любопытством, ещё сонным, но уже острым.

— Брат.

— Ты звонил брату?

Он не хотел об этом говорить. Не сейчас. Не с ней. Но слово уже вылетело, а врать второй раз подряд было противно.

— Да. Пока ты спала.

Лейла помолчала. Потом потянулась к дверце, но не открыла. Сидела, глядя перед собой на запотевшее стекло.

— Ты с ним близок? — спросила она.

— Был. Раньше.

— А теперь?

Крис смотрел на неё. В салоне было тепло от их дыхания, и от этого казалось, что они одни во всём городе.

— Не знаю, — сказал он честно. — Я его не понимаю. Он уехал. Бросил всех. Мы почти не разговаривали.

— Почему уехал?

— Из-за женщины.

Слова вышли сами, тяжелее, чем он хотел. Лейла медленно повернула к нему голову.

— Из-за женщины, — повторила она. — Ему отказали?

Крис кивнул, не глядя.

— И он не пережил.

— Бывает, — сказала Лейла тихо. — У каждого есть то, чего он не пережил.

Она наконец открыла дверцу. Холодный утренний воздух ворвался в салон, и Крису стало зябко, хотя он не был раздет.

— Проводить? — спросил он.

— Не надо. Я дойду.

Она вышла, но не закрыла дверь. Наклонилась к нему, и на секунду их лица оказались близко — так близко, что он почувствовал запах её дыхания, слабый, с примесью больничной хлорки.

— Крис, — сказала она. — Ты хороший человек. Я не знаю, зачем ты всё это делаешь. Но спасибо.

Она закрыла дверцу и пошла к подъезду. Крис смотрел ей вслед — на узкую спину, на пальто, которое она так и не сняла, на шаг, ровный, но усталый. Он не был хорошим человеком. Он был человеком, который пришёл её уничтожить. И она благодарила его за то, что он не ушёл. Он ударил ладонью по рулю — коротко, беззвучно, от бессилия. Потом откинулся на спинку и закрыл глаза. Теперь он знал, что не поедет к Максиму ради мести. Он поедет, потому что должен узнать правду, которую боится. Потому что иначе не сможет смотреть Лейле в глаза. Потому что ложь, которой он кормил себя месяц, разъедала его изнутри, как кислота. Он завёл мотор. Впереди была дорога к брату. И правда, которая, он чувствовал, разорвёт его пополам. Он выехал из города на рассвете. Дорога была пустой. Асфальт блестел после ночного дождя, по обочинам тянулись мокрые берёзы, и впереди, над полем, висел низкий туман, сквозь кото-

рый пробивалось белое, ещё не греющее солнце. Крис ехал быстро. Не потому, что торопился, — просто не хотел останавливаться. Остановка означала бы, что он думает. А думать было страшно. Аддок в трёхстах километрах, у реки. Крис знал его только по карте: частные дома, пара магазинов, церковь, пустые улицы. Дыра, как сказал отец. Только теперь Крис не был уверен, что отец понимал, о чём говорит. рес, который продиктовал Максим, оказался дальше, чем он ожидал. Маленький горо Он гнал до самого города без остановок. В голове крутилось одно и то же: слова брата, его странный спокойный голос, его вопрос — «ты сам-то её от кого скрываешь?». И ещё: «Кто тебе сказал, что я сбежал из-за женщины?» Этот вопрос не давал покоя. В нём было что-то, чего Крис не понимал, но чувствовал — ответ окажется не тем, что он привык считать правдой. На въезде в городок он сбросил скорость. Улицы были мокрые, пустые. На заборе висела выцветшая вывеска «Продукты». У колонки стоял мужик в телогрейке и смотрел на машину Криса долго, с той тяжёлой провинциальной внимательностью, с какой смотрят на всё чужое. Дом Максима стоял у самой реки — старый, деревянный, с просевшим крыльцом и покосившимся забором. Крис остановил машину у калитки и вышел. Пахло рекой, прелым деревом и дымом из чужой трубы. Тишина здесь была другая — глубокая, без городского гула, только вороны кричали где-то за огородом. Он толкнул калитку. Она скрипнула. Во дворе, на крыльце, сидел Максим. Крис не сразу узнал его. Брат похудел, отпустил щетину, волосы отросли и падали на лоб. Он был в растянутом свитере и старых джинсах, в руках — кружка. Сидел на ступеньке и смотрел на реку, как будто ждал кого-то ещё. Увидев Криса, он не поднялся. Просто кивнул.

— Доехал.

Крис подошёл и сел рядом, не спрашивая. Ступенька была сырая, холодная. Максим подвинулся, но не встал. Они сидели молча. Река текла медленно, серая под утренним небом. Где-то за домами залаяла собака, потом смолкла.

— Ты знал, что я приеду, — сказал Крис.

— Знал. Ты всегда приезжаешь, когда тебя зовут.

— Ты меня не звал. Ты бросил трубку.

— Это одно и то же.

Максим отпил из кружки. Крис почувствовал запах — не кофе, что-то покрепче. Но ничего не сказал.

— Я приехал за правдой, — сказал он.

— Все приезжают за правдой, пока не узнают, какая она.

— Хватит философствовать, Максим. Ты обещал сказать в лицо. Я здесь. Говори.

Максим поставил кружку на ступеньку, повернулся к брату. Глаза у него были светлые, выцветшие, как у человека, который давно не смотрел на людей, а только на воду.

— Она не отказывала мне, — сказал он тихо.

Крис нахмурился.

— Что?

— Лейла. Она не отказывала мне. Мы никогда не были помолвлены.

Земля ушла у Криса из-под ног. Он слышал слова, но не понимал их — они не складывались с тем, что он знал. С газетой. С отцом. С матерью, которая вытирала сухие руки о фартук.

— В газете было написано, — сказал он хрипло.

— В газете было написано то, что написал я. А я написал то, что от меня требовали.

— Кто требовал?

Максим усмехнулся — невесело, одними губами.

— Наш отец, Крис. Наш с тобой отец.

Тишина. Только река шумела у берега.

Крис смотрел на брата и не узнавал ни его, ни себя, ни весь этот мир, который вдруг стал другим.

— Зачем? — спросил он.

— А ты подумай. Что бывает с женщиной, у которой нет семьи, нет денег, нет связей, когда о ней пишут, что она бросила сына Горецкого?

Крис молчал. В голове билось одно: он этого не знал. Он не знал, что всё было не так. Что человек, которого он нанял, собрал для него расписание и привычки, но не собрал главного.

— Она не бросала меня, — продолжал Максим. — Это я её бросил. Точнее, сбежал. Потому что иначе отец уничтожил бы нас обоих.

— Уничтожил бы? — повторил Крис. — О чём ты?

Максим долго молчал. Потом поднял кружку, допил, поставил на ступеньку и сказал, не глядя на брата:

— Потому что она не из тех, на ком женятся Горецкие. Потому что у неё мать — пенсионерка из Подмоскovie, а отец — покойник. Потому что она архитектор без связей. Потому что, по мнению отца, она мне не пара.

Он повернулся к Крису.

— А я её любил. По-настоящему, как не любил никого. И когда отец узнал, он поставил меня перед выбором: либо я с ней рву, либо он пускает её по рукам так, что она никогда не встанет.

Крис почувствовал, как во рту стало сухо.

— И что ты сделал?

— Я уехал. Оставил её. Думал, так ей будет безопаснее. Думал, если меня не будет рядом, отец оставит её в покое.

Максим смотрел на реку, и голос его был ровный, но в нём дрожало что-то, похожее на лёд под солнцем.

— А вместо этого отец рассказал всем, что она меня унизила. Что я сбежал из-за неё. Что она сломала мне жизнь.

Он перевёл взгляд на Криса.

— И знаешь, что самое смешное, брат? Он был прав. Она сломала мне жизнь. Потому что я так и не смог её забыть.

Крис долго молчал. Он сидел на сырой ступеньке, уперев локти в колени, и смотрел на реку, которая текла мимо, как текла, наверное, всегда — до них, до отца, до всей этой лжи.

— Ты мог рассказать мне, — сказал он наконец. — Тогда. До того, как уехал.

— И что бы ты сделал?

— Не знаю. Что-нибудь.

— Вот именно, — Максим усмехнулся. — Ты бы пошёл к отцу. Стал бы спорить. А отец из таких споров выходит только одним способом — тем, что ломает не тебя, а того, кто тебе дорог.

Крис поднял на него взгляд.

— Ты думал, я не смогу тебя защитить?

— Я думал, ты не должен был меня защищать. Это моя женщина была. Моя беда. Не твоя.

— Ты мой брат.

— Поэтому я и не стал тебя втягивать.

ГЛАВА 4

Максим поднялся, потянулся, хрустнув спиной, и пошёл в дом. Крис остался на крыльце, слушая, как внутри что-то стукнуло — кастрюля о плитку, показалось ему, или кружка о стол. Через минуту брат вышел с двумя кружками. Протянул одну Крису.

— Чай, — сказал он. — Хотя тебе, наверное, надо было что-нибудь покрепче.

Крис взял кружку. Пальцы согрелись о горячие стенки. Пахло травами, чем-то горьковатым и терпким.

— Почему ты не вернулся? — спросил он. — Когда понял, что отец всё равно пустил её по рукам. Хотя и чужими словами.

Максим сел рядом, поставил кружку на колено, глядя на пар, поднимающийся над чаем.

— А что бы изменилось? Вернусь — отец сделает то, что обещал. По-настоящему. У него есть для этого всё: деньги, связи, люди, которые умеют делать грязную работу. Я не сомневался ни дня.

— Ты просто сбежал.

— Да. Сбежал. Назови это как хочешь.

— И бросил её одну с этой ложью.

Максим сжал кружку. Крис видел, как побелели его костяшки — так же, как у него самого тогда, с зонтом.

— Думаешь, я не знаю? — спросил Максим тихо. — Думаешь, я не просыпаюсь по ночам от того, что оставил её с этим? Она не заслужила. Ничего из этого не заслужила.

— Почему она тогда молчит? Почему не опровергла?

— Потому что она не знает.

Крис замер.

— Что значит — не знает?

— Она не знает, кто за этим стоит. Она знает только, что обо мне писали в газетах, что я уехал, что наша семья богатая. А что именно отец запустил ту историю, что это он меня выжил, — она не знает. Я не успел ей рассказать. Не смог.

Максим повернулся к брату. В его глазах стояла такая усталость, что Крису на секунду стало страшно.

— Она, наверное, до сих пор думает, что я её бросил. Что она мне не подошла. Что я просто исчез.

Крис отвёл взгляд. Перед его глазами стояло лицо Лейлы — усталое, в свете фонаря у ресторана, и её голос: «Вы следите за мной?» с той спокойной, привычной усталостью, с какой человек принимает очередную беду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.